

Право ЕАЭС в системе международного права и национального права стран-участниц ЕАЭС

Поляков Егор Владимирович

Бакалавр юриспруденции,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный пер., 36;
e-mail: e.v.polyakov99@mail.ru

Руденко Анна Григорьевна

Бакалавр экономики,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный пер., 36;
e-mail: anna.rudenko.14@bk.ru

Голяткин Георгий Дмитриевич

Бакалавр экономики,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный пер., 36;
e-mail: ggolyatkin@internet.ru

Аннотация

Проведенный анализ правового статуса Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в контексте его взаимодействия с нормами Всемирной торговой организации (ВТО) и другими международными правовыми системами позволяет сделать ряд важных выводов. ЕАЭС, будучи региональным интеграционным объединением, стремится к созданию единой экономико-правовой зоны, обеспечивающей свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Однако его правовая система сталкивается с рядом вызовов, связанных с неоднозначностью трактовки норм ВТО, конкуренцией юрисдикций и необходимостью согласования решений наднациональных органов с национальными правовыми порядками. Одной из ключевых проблем остается вопрос иерархии источников права в рамках ЕАЭС, особенно в части соотношения норм Договора о ЕАЭС, международных соглашений внутри союза и правил ВТО. Несмотря на то что Суд ЕАЭС активно применяет международное право, включая принципы ВТО, для разрешения споров, отсутствие четкого механизма определения приоритетов создает правовую неопределенность. Это особенно актуально в случаях, когда не все члены ЕАЭС являются участниками ВТО (как, например, Белоруссия), что усложняет унифицированное применение норм. Опыт других региональных объединений, таких как НАФТА и МЕРКОСУР, демонстрирует, что конфликты юрисдикций могут быть минимизированы за счет внедрения принципа *forum exclusion clause*, исключающего параллельное

рассмотрение споров в разных судебных инстанциях. Кроме того, заимствование опыта Европейского союза, где статья 344 ДФЕС четко регулирует разрешение споров в рамках наднационального права, могло бы стать одним из возможных решений для ЕАЭС. Еще одной значимой проблемой является взаимодействие Суда ЕАЭС с конституционными судами стран-участниц. Пример Конституционного Суда РФ показывает, что национальные суды могут оставлять за собой право проверки решений ЕАЭС на соответствие конституционным нормам, что создает риск фрагментации правоприменения. Отсутствие механизма преюдициальных запросов и диалога между судебными институтами усложняет обеспечение единообразия интерпретации права ЕАЭС.

Для цитирования в научных исследованиях

Поляков Е.В., Руденко А.Г., Голяткин Г.Д. Право ЕАЭС в системе международного права и национального права стран-участниц ЕАЭС // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 3А. С. 687-695.

Ключевые слова

Суд ВТО, Суд ЕАЭС, Конституционный суд РФ, национальные суды, международные договоры.

Введение

Евразийское экономическое сообщество (в официальных документах название принято сокращать до ЕАЭС или ЕврАзЭС) – это объединение ряда стран из числа бывших республик Советского Союза для создания общей экономико-правовой зоны, в пределах которой страны-члены могут осуществлять беспрепятственное движение товаров, капитала, услуг и человеческих ресурсов, а также согласования политики в ключевых секторах экономики. Основной заявленной целью союза является обеспечение устойчивого развития экономик всех стран-участниц ЕАЭС. Договор о создании был подписан 1 января 2015 года между Беларуссией, Казахстаном, Россией в результате заседания Высшего Евразийского экономического совета. Позже о своём решении вступить в союз сообщили Армения (состоит со 2 января 2015 г.) и Киргизия (действительный член с 12 августа 2015 г.). Прежде существовавшие на постсоветском пространстве торгово-политические объединения – Таможенный союз, Евразийский экономический союз и Единое экономическое пространство Беларуссии, Казахстана и России – были упразднены и послужили основой для ЕАЭС. Позже, 11 апреля 2017 года, был утверждён единый Таможенный кодекс ЕАЭС.

Основное содержание

ВТО – Всемирная торговая организация – это международный договор о сотрудничестве с целью создания прозрачных правил торговли между странами. Он пришёл на смену ГАТТ (Генеральному соглашению по тарифам и торговле), которое не имело юридической силы, а было предписанием, которым руководствовались во время принятия решений в области торговли. ГАТТ послужил основой для договора об учреждении ВТО, подписанного 1 января 1995 года, позже было также подписано Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС).

Несмотря на нацеленность договора на устранение барьеров в торговле, им предусмотрено создание его членами региональных торговых союзов, но только при соблюдении ряда условий. Статьями XXIV ГАТТ и V ГАТС установлены базовые ограничения и условия, предъявляемые для соответствия региональным торговым соглашениям, которые будут заключены в рамках ВТО. Одним из подобных соглашений стал ЕАЭС. Однако, ситуация осложняется тем, что в доктрине ВТО не дано чёткого определения возможностям торговых союзов вводить исключения «из практически всей торговли» и объёму торговли, подлежащему «либерализации». На практике вопрос о пределах ограничительных мер решается индивидуально, как, например, в деле «Турция – Текстиль», когда во время суда и апелляции стороны пришли к выводу о невозможности точного толкования этого критерия.

Другим неоднозначным требованием к таможенным союзам является не превышение ограничительных мер и пошлин в отношении стран, не входящих в региональное соглашение, которые существовали до учреждения торгового соглашения. По решению Апелляционного органа, в деле «Турция – Текстиль» применялся «экономический тест», но этот метод до сих пор не стал универсальным. Другим неоднозначным критерием «легитимности» торгового соглашения является членство в нём государств, не входящих в ВТО (в случае ЕАЭС таким государством является Белоруссия). Соглашение «не должно создавать препятствия для формирования таможенного союза или зоны свободной торговли... между территориями договаривающихся государств», такая формулировка дана в пункте 5 статьи XXIV ГАТТ.

Правовой статус торговых союзов в субординации к ВТО до сих пор остаётся расплывчатым. Критерии организации межгосударственного торгового соглашения, как уже упоминалось ранее, часто не имеют однозначных подходов к трактовке.

Будучи договором между *de jure* равноправными странами-подписантами договора, обладающим международной правосубъектностью, договор о создании ЕАЭС учитывает членство стран в международных объединениях и признаёт их приоритет, устанавливая, соответственно, также главенство норм ЕАЭС и международных договоров над национальным правом в случае их конфликта. Сама право ЕвразЭС при этом учитывает два типа международных договоров. Как установлено в пункте 1 статьи 6 Договора о ЕАЭС, правовая система объединения включает в себя [Дьяченко, Энтин, 2018]:

- Договор о ЕАЭС;
- Международные договоры в рамках ЕАЭС;
- Международные договоры ЕАЭС с третьими сторонами;
- Определённые решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии.

Компетенции Суда ЕАЭС, изложенные в его статуте, включают его полномочие по рассмотрению споров, возникающих из Договора о ЕАЭС, договоров, принятых в рамках ЕАЭС и решений органов ЕАЭС (п. 39). Пунктом 50 Статута закреплены источники права, которые могут быть применены для разрешения споров [A. Lindroos. *Dispelling the Chimera of 'Self-Contained Regimes' International Law and the WTO*]:

- Общепризнанные принципы и нормы международного права;
- Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках ЕАЭС и иные международные договоры, участниками которых являются государства-стороны спора;
- Решения и распоряжения органов ЕАЭС;
- Международные обычаи.

Из вышеприведённого следует, что Суд ЕАЭС в своих решениях опирается на международное право, в том числе то, как следует из п. 50 Статута, могут быть и договоры, не перечисленные в ст. 6 Договора.

На практике это подтверждается, например, Консультативным заключением министерства юстиции Республики Беларусь от 4 апреля 2017 года основой для принятия в рамках процесса, по заявлению членов Большой коллегии Суда, стало содержание статьи 31 ВКПМД.

Другим примером применения международного права для разрешения споров Судом ЕАЭС было консультативное заключение от 12 сентября 2017 года по делу, возбуждённому ЕЭК, касательно уточнения применения Договора о ЕАЭС как правовой базы регулирования трудовых правоотношений с сотрудниками Комиссии, решение о вынесении которого суд основывал на положениях Конвенции МОТ № 111. В этом случае Суд уточнил, что эти положения относятся одновременно к двум категориям, перечисленным в п. 50 Статута ЕАЭС, то есть, являются одновременно «общепризнанными нормами» и содержатся в международном договоре, участниками которого являются страны-члены ЕАЭС. В ходе анализа применения принципа недискриминации для урегулирования данного дела Судом была установлена его связь с «принципом равенства перед законом и правом на равную, без всякого различия, защиту закона, равную защиту от дискриминации, который изложен во Всеобщей декларации прав человека [Всеобщая декларация прав человека, 1948].

Ещё одним международным принципом, использованным в качестве опоры для судебного решения, стал принцип невозможности выхода судебного дела за рамки требований сторон (лат. «*ne eat iudex ultra petita partium*»). Он был заявлен в качестве правовой основы в ходе судебного разбирательства схожего по содержанию положения, раскрытого в пункте 101 Статута ЕАЭС (Решение от 28.12.2015 по заявлению ИП К. Тарасика).

Международное право, как подтверждают примеры выше, часто служит обоснованием для тех или иных актов Суда ЕАЭС, когда, как было упомянуто ранее, Суд счёл уместным сделать отсылки нормы как международных договоров, так и общепризнанных принципов права. Более того, в своих решениях Суд ЕАЭС часто ссылается на прецеденты других международных институциональных организаций с правом ведения международно-правовой деятельности. В обоих упомянутых ранее заключениях Суда для юридического обоснования своих решений высший орган опирался в том числе на прецедент, связанный с административным решением МОТ (Консультативное заключение от 12.09.2017) и решением Международного суда ООН в деле «Колумбия против Перу» [Консультативное заключение Суда ЕАЭС, 2017].

С другой стороны, многочисленные споры вызывает применение положений права ВТО как основания для урегулирования споров. В частности, дело о правомерности решения ЕЭК о применения антидемпинговых пошлин по отношению к продукции (пруткам) с территории Украины, страны, не входящей в союз, ввозимой на территорию ЕАЭС было обосновано Судом как соответствующее не только Договору о создании Евразийского экономического сообщества, но и Международным договорам в рамках союза, под которыми Суд ЕАЭС, определяя применяемого им в деле право, имел в виду именно положения ГАТТ (VI статья о применении антидемпинговых пошлин), которая, как известно, составляет неотделимую часть права ВТО и, согласно п. 1 ст. 1 Договора о создании ЕАЭС, также входят в правовую базу Союза и подлежат применению для разрешения споров. С другой стороны, заявление истца в этом деле трактовалось судом как претензия к Решению ЕЭК как не соответствующему договору и международным договором, заключённым в рамках ЕАЭС, а также конкретно положениям ВТО. При этом если Суд первоначально склонялся к

рассмотрению заявления истца как претензию к несоответствию решения ЕЭК Договору союза и иным международным договорам в его рамках, но затем в своём окончательном решении по делу пишет о доводах истца по поводу нарушения «права ВТО».

Таким образом, не решённым остаётся вопрос о принадлежности положений ВТО к международным соглашениям, заключённым в рамках ВТО или непосредственно к самому Договору о ЕАЭС к внутреннему союзу между государствами-участниками соглашения о ВТО и, соответственно, имеет приоритет над всему другими источниками права, в том числе над договором о ЕАЭС.

При этом принадлежность соглашений ВТО, в том числе ГАТТ, к международным соглашениям в рамках ЕАЭС подвергается сомнению рядом экспертов. Так, Д. С. Боклан, доктор юридических наук, апеллируя к п. 1 ст. 1 Договора ЕАЭС, утверждает, что соглашения ВТО не могут относиться к международным договорам в рамках ЕАЭС, потому как последние:

1. Заключаются между государствами-членами ЕАЭС.
2. Связаны с вопросом функционированием и развитием ЕАЭС [Боклан, Лифшиц, 2016].

Оба условия в данном случае не соблюдаются, так как не все члены ЕАЭС также подписали соглашение о ВТО (имеется в виду Белоруссия), а характеристика права ВТО как «связанного с функционированием и развитием ЕАЭС» не является убедительной.

Можно заключить, что в таком случае иерархический порядок с преобладанием права ВТО над всеми остальными источниками права нарушается, ведь при расценивании соглашений ВТО как международных договоров меняется в обратную сторону иерархия приоритета – пункт 3 статьи 6 Договора о ЕАЭС устанавливает, что Договор ЕАЭС имеет однозначный приоритет над международными договорами в рамках союза в случае возникновения спора.

Указанная ситуация, таким образом, может быть представлена как конкуренция юрисдикции.

Подобная ситуация нашла отражение в практике разрешения споров других региональных таможенных союзов.

Например, при рассмотрении жалобы США в ОРС ВТО по поводу нарушения Мексикой статьи III ГАТТ в деле «Мексика – напитки» (2005 г.) в части ограничения страной импорта напитков с сахарозаменителем в составе с территории США.

Правительство Мексики в ответ заявило, что дело не может быть рассмотрено с учётом того обстоятельства, что по заявлению Мексики в Суд НАФТА было инициировано связанное с этим дело о нарушении уже Соединёнными Штатами Америки режима свободного доступа в отношении поставок Сахара из Мексики, но США препятствовали назначению арбитров и дело не могло быть рассмотрено.

Несмотря на то, что договор НАФТА устанавливает принцип *forum exclusion clause*, что означает невозможность конкуренции юридических инстанций и запрещает обращение для рассмотрения одного и того же спора в разные юридические органы, Третейский суд вынес решение в пользу США, а Апелляционный орган не усмотрел в деле нарушения принципа исключения юрисдикции, оставив, однако, возможность для «иных обстоятельств», при которых текущие правовые условия могли бы послужить препятствиями для рассмотрения дела Судом ВТО.

В другом схожем деле, «Аргентина – мясо птицы» (2001 г.), правомерность решения Аргентины о введении ограничительных мер в адрес Бразилии была подтверждена созданным арбитражем *ad hoc* в Суде МЕРКОСУР.

Отвергнув решение арбитража, правительство Бразилии направило обращение в ОРС ВТО,

который, не признав доводы со стороны Аргентины об основании для применения принципа *estoppel* ввиду отсутствия явно выраженного согласия Бразилии рассматривать дело в пределах юрисдикции МЕРКОСУР. Стоит отметить, что поправка, внедряющая *forum exclusion clause* (Протокол Оливос), на тот момент в договоре отсутствовала и была внесена в Соглашение МЕРКОСУР позднее.

В связи с вышеизложенным, авторами представляется возможным установления принципа *forum exclusion clause*, который есть в НАФТА и МЕРКОСУР, но отсутствует в Соглашении ЕАЭС, для преодоления коллизий юридически равносильных правовых институтов.

Другим возможным решением может стать создание аналога ст. 344 Договора о функционировании Европейского союза (версии Лиссабонского договора 2007 г., принятая аббревиатура – ДФЭС), согласно содержанию которой государства в составе Европейского союза (Евросоюза, ЕС) обязаны разрешать конфликты исходя из договоров, закреплённых в ДФЭС.

Возможными препятствиями для реализации этих мер может стать нарушение принципа тройной идентичности в части соотношения сторон спора и оснований иска, так как в Суд ЕАЭС могут, помимо государств, обращаться хозяйствующие субъекты, а основанием иска может служить как несоблюдение права ВТО, так и ЕАЭС.

Что касается взаимоотношений между конституционными судами (КС) стран, состоящих в ЕАЭС и непосредственно Судом ЕАЭС, существует проблема противоречия конституции отдельных решений ЕАЭС и возможности их проверки комиссиями КС.

КС РФ в деле, связанным с заявлением Арбитражного суда Центрального округа на проверку конституционности решения ЕЭК №728 (от 15.07.2011) о порядке освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единое таможенное пространство.

Учитывая, что на тот момент Коллегией суда ЕврАзЭС порядок освобождения от пошлин, выдвинутый Решением ЕЭК №728, уже был проверен на соответствие учредительным договорам Таможенного союза по жалобе ООО «СеверАвтоПрокат» и Суд в своём Решении от 1 ноября 2013 г. пришёл к выводу об отсутствии нарушений, апелляция также не привела ни к какому результату.

КС РФ, заявив о своём намерении рассматривать конституционность только тех норм, что касаются правопорядка в России, которые Суд вправе затрагивать по статье 15 Конституции, пришёл к решению, что участие государства в международных соглашениях:

- Не должно приводить к нарушению прав человека.
- Не должно создавать угрозу основам конституционного строя.

При этом КС РФ не называл Решение Суда ЕврАзЭС «неконституционным», а лишь подчеркнул, что, за отсутствием обязанности Суда ЕврАзЭС проверять решения ЕЭК на предмет их соответствия правам человека, то КС РФ в свою очередь вправе это осуществлять на своём уровне. Теперь это закреплено в статье 79 Конституции РФ.

Кроме того, в Определении КС РФ № 191-О от 10.02.2020 был составлен закрытый перечень оснований для пересмотра актов суда. В нём Суд отметил, что вопросы соответствия судебных актов международным соглашениям и их пересмотра межгосударственными судебными органами может решаться независимо для каждого такого случая. Также КС РФ заявил, что, проведя анализ Статута ЕАЭС, не нашёл причин для признания за ним права ретроспективного рассмотрения и отмены уже вынесенных и вступивших в силу арбитражных решений при условии их несоответствия Договору или международным соглашениям в рамках ЕАЭС. Это

приводит к тому, что суд ЕАЭС не имеет возможности вести диалог с национальными судами стран ЕАЭС с помощью преюдициальных заключения, за счёт чего нарушается единообразие применения права ЕАЭС и оценки его решений.

Заключение

Проведенный анализ правового статуса Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в контексте его взаимодействия с нормами Всемирной торговой организации (ВТО) и другими международными правовыми системами позволяет сделать ряд важных выводов. ЕАЭС, будучи региональным интеграционным объединением, стремится к созданию единой экономико-правовой зоны, обеспечивающей свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Однако его правовая система сталкивается с рядом вызовов, связанных с неоднозначностью трактовки норм ВТО, конкуренцией юрисдикций и необходимостью согласования решений наднациональных органов с национальными правовыми порядками.

Одной из ключевых проблем остается вопрос иерархии источников права в рамках ЕАЭС, особенно в части соотношения норм Договора о ЕАЭС, международных соглашений внутри союза и правил ВТО. Несмотря на то что Суд ЕАЭС активно применяет международное право, включая принципы ВТО, для разрешения споров, отсутствие четкого механизма определения приоритетов создает правовую неопределенность. Это особенно актуально в случаях, когда не все члены ЕАЭС являются участниками ВТО (как, например, Белоруссия), что усложняет унифицированное применение норм.

Опыт других региональных объединений, таких как НАФТА и МЕРКОСУР, демонстрирует, что конфликты юрисдикций могут быть минимизированы за счет внедрения принципа *forum exclusion clause*, исключающего параллельное рассмотрение споров в разных судебных инстанциях. Кроме того, заимствование опыта Европейского союза, где статья 344 ДФЕС четко регулирует разрешение споров в рамках наднационального права, могло бы стать одним из возможных решений для ЕАЭС.

Еще одной значимой проблемой является взаимодействие Суда ЕАЭС с конституционными судами стран-участниц. Пример Конституционного Суда РФ показывает, что национальные суды могут оставлять за собой право проверки решений ЕАЭС на соответствие конституционным нормам, что создает риск фрагментации правоприменения. Отсутствие механизма преюдициальных запросов и диалога между судебными институтами усложняет обеспечение единообразия интерпретации права ЕАЭС.

Библиография

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2022 № 191-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области на нарушение конституционных прав общества с ограниченной ответственностью "Производственное предприятие "Ремдизель" частью 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации".
3. Lindroos. Dispelling the Chimera of 'Self-Contained Regimes' International Law and the WTO. (The European Journal of International Law, Volume 16, Issue 5, 2005), 857–877.
4. Бортников С.П., Киселева Н.С. 2020. Система разрешения споров в Суде ЕАЭС. – Colloquium-Journal. No 15-4. С. 1-17. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-razresheniya-sporov-v-sude-eaes/viewer> (дата обращения: 28.09.2024)
5. Исполинов А. С. Приоритет права Европейского Союза и национальная (конституционная) идентичность в решениях Суда ЕС и конституционных судов государств – членов ЕС // Сравнительное конституционное

- обозрение. 2017. № 4С. 47–68.
6. К. Чайка, Международно-правовые подходы в практике Суда ЕАЭС (Журнал российского права, №11, 2018). DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_11_14
 7. Колос Д.Г. Конкуренция юрисдикции органов по разрешению споров ВТО и региональных торговых соглашений: уроки и перспективы для ЕАЭС. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. 2022. № 3
 8. Мысливский П. П. Исполнение актов Суда Евразийского экономического союза: обзор первых проблем и путей их решения // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2023. № 2 (1). С. 40–51
 9. Нурматов, Т.А. Принятие таможенного кодекса ЕАЭС как новый этап унификации законодательств государств-участников ЕАЭС. Журнал «Вестник КРСУ», 2022 год, Том 22, № 11, Стр. 126-130. УДК 340.137.3:339.543 DOI 10.36979/1694-500X-2022-22-11-126-130
 10. Сибатян А.С. Конфликт юрисдикций органов международного правосудия как отрицание их взаимосвязей // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 26–36.

EAEU Law in the System of International Law and National Law of EAEU Member States

Egor V. Polyakov

Bachelor of Law,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: e.v.polyakov99@mail.ru

Anna G. Rudenko

Bachelor of Economics,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: anna.rudenko.14@bk.ru

Georgii D. Golyatkin

Bachelor of Economics,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ggolyatkin@internet.ru

Abstract

The analysis of the legal status of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the context of its interaction with WTO norms and other international legal systems reveals several key findings. As a regional integration bloc, the EAEU aims to establish a unified economic and legal space ensuring free movement of goods, services, capital, and labor. However, its legal system faces challenges including ambiguous interpretation of WTO rules, jurisdictional conflicts, and the need to reconcile supranational decisions with national legal orders. A critical issue concerns the hierarchy of legal sources within the EAEU framework, particularly regarding the relationship between the EAEU Treaty, intra-union agreements, and WTO regulations. While the EAEU Court actively applies

international law (including WTO principles) in dispute resolution, the absence of clear priority rules creates legal uncertainty. This is especially problematic when not all EAEU members are WTO participants (e.g., Belarus), complicating uniform norm application. Comparative analysis of NAFTA and MERCOSUR demonstrates that jurisdictional conflicts can be mitigated through forum exclusion clauses preventing parallel proceedings. Additionally, adopting the EU's approach under Article 344 TFEU, which clearly regulates dispute resolution within supranational law, could offer solutions for the EAEU. Another significant challenge involves the interaction between the EAEU Court and member states' constitutional courts. The practice of Russia's Constitutional Court shows that national courts may reserve the right to review EAEU decisions for constitutional compliance, risking fragmented enforcement. The lack of preliminary ruling mechanisms and institutional dialogue between judicial bodies further impedes uniform interpretation of EAEU law.

For citation

Polyakov E.V., Rudenko A.G., Golyatkin G.D. (2025) Pravo EAES v sisteme mezhdunarodnogo prava i natsionalnogo prava stran-uchastnits EAES [EAEU Law in the System of International Law and National Law of EAEU Member States]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (3A), pp. 687-695.

Keywords

WTO Dispute Settlement Body, EAEU Court, Russian Constitutional Court, national courts, international treaties.

References

1. The Universal Declaration of Human Rights. Adopted by Resolution 217 A (III) of the UN General Assembly on December 10, 1948. Access: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/10/2022 No. 191-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region for violation of the Constitutional Rights of the Limited Liability Company Remdiesel Production Enterprise by Part 3 of Article 311 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation".
3. Lindroos. Dispelling the Chimera of 'Self-Contained Regimes' International Law and the WTO. (The European Journal of International Law, Volume 16, Issue 5, 2005), 857-877.
4. Bortnikov S.P., Kiseleva N.S. 2020. The dispute resolution system in the EAEU Court. – Colloquium-Journal. No. 15-4. pp. 1-17. Access: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-razresheniya-sporov-v-sude-eaes/viewer> (date of request: 09/28/2024)
5. Ispolinov A. S. The priority of the law of the European Union and national (constitutional) identity in the decisions of the Court of Justice of the European Union and the constitutional courts of the EU Member States // Comparative Constitutional Review. 2017.No. 4C. 47-68.
6. K. Chaika, International legal approaches in the practice of the EAEU Court (Journal of Russian Law, No. 11, 2018). DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_11_14
7. Kolos D.G. Competition of jurisdiction of WTO dispute resolution bodies and regional trade agreements: lessons and prospects for the EAEU. Vestn. Moscow time. Uni-ta. Ser. 11. Pravo. 2022. № 3
8. Myslivskiy P. P. Enforcement of acts of the Court of the Eurasian Economic Union: an overview of the first problems and ways to solve them // HSE Journal of International Law (HSE University Journal of International Law). 2023. No. 2 (1). pp. 40-51
9. Nurmatov, T.A. The adoption of the EAEU Customs Code as a new stage in the unification of the laws of the EAEU Member States. Journal "Bulletin of the KRSU", 2022, Volume 22, No. 11, pp. 126-130. UDC 340.137.3:339.543 DOI 10.36979/1694-500X-2022-22-11-126-130
10. Smbatyan A.S. The conflict of jurisdictions of international justice bodies as a denial of their interrelationships // Russian Law Journal. 2013. No. 5. pp. 26-36.